
І. ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 81'355

Ю. А. Клейнер

Санкт-Петербургский государственный университет

ОРФОЭПИЯ — ИСТОРИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ — ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Определение орфоэпии как «раздела языкознания, изучающего произносительные нормы», зачастую обуславливает понимание ее задач как исключительно прескриптивных, а орфоэпии в целом — как прикладной по преимуществу науки. Другая ее составляющая, сугубо лингвистическая, присутствует в проблеме соотношения в ней системы и нормы, традиционно занимающей центральное место в школе Л. В. Щербы. По сути, эта проблема — частный случай соссюрсовской дихотомии «язык — речь», чем, собственно, и обусловлено понимание орфоэпии как сугубо лингвистической дисциплины и наличие двух точек зрения на предмет ее — «изнутри» и «извне». Последняя предполагает сознательное отношение к выбору из нескольких возможностей одной единицы в качестве нормативной, или «правильной», и, соответственно, установление системного статуса этой единицы. Такая точка зрения на язык, возникшая практически одновременно с осознанием его как свойства, изначально присущего только человеку (Платон), нашла отражение как в ранних свидетельствах «речевого престижа» (Катулл, Цицерон), так и в трудах «стихийных лингвистов», ориентирующихся на некоторую норму (александрийские грамматики) или создающих ее (английские орфоэписты). В свою очередь, норма синонимична речи, которая существует на данном синхронном срезе и может меняться либо в результате использования альтернативных возможностей, предлагаемых системой (динамика языка), либо вследствие перехода системы на иной синхронный срез (изменение в собственном смысле), ср. формулировку Л. А. Вербицкой в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «Фонологическая система языка полностью определяет произносительную норму. Измениться норма может в пределах системы при условии появления новых форм, постепенно вытесняющих старые под влиянием экстралингвистических факторов или в результате изменений, произошедших в системе». Первоочередная задача интерпретаторов ранних орфоэпических свидетельств (прежде всего, историков языка) состоит в выявлении факторов, относящихся к двум принципиально различным сферам. Игнорирование этого обстоятельства в исследовательских процедурах, характерное для (хронологически или идеологически) дососсюрсовского (дободуэновского) языкознания, приводит к смешению факторов, в том числе внутрисистемных и экстралингвистических, и, более того, самих основополагающих понятий: (диахронического) изменения

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

и (синхронной) вариативности — что, среди прочего, находит отражение и в идее *recent changes* в системе (в действительности, в норме), и в расхожем тезисе «язык постоянно меняется». Библиогр. 29 назв.

Ключевые слова: орфоэпия, александрийские грамматики, английские орфоэписты, история языка, система и норма, синхрония и диахрония, язык и речь.

Yuri Kleiner

St Petersburg State University

ORTHOEPY — HISTORY OF LINGUISTICS — HISTORY OF LANGUAGE

The definition of orthoepy as “a branch of linguistics that studies pronunciation norms” tends to determine the understanding of its tasks as exclusively prescriptive, and that of orthoepy as a whole as an applied area, par excellence. Its other component, purely linguistic, is present in the problem of the correlation between the system and the norm, traditionally central to the school of Lev Shcherba. In essence, this problem is a particular case of the Saussurian “language — speech” dichotomy, which is the reason for regarding orthoepy as a purely linguistic discipline and for discerning two points of view on its object, those “from within” and “from without.” The latter implies a conscious attitude towards the choice, from several possibilities, of one unit as a normative or “correct” with the establishment of the systemic status of this unit. This point of view on language, which emerged almost simultaneously with the awareness of it as an inherently human capacity (Plato), is reflected both in the early evidence of “language prestige” (Catullus, Cicero) and in the works of “intuitive linguists,” either relying on a certain norm (Alexandrian grammarians) or creating it (English orthoepists). In turn, the norm is synonymous to speech, which exists at a given synchronic stage; it changes either as a result of the alternative possibilities offered by the system (language dynamics) or due to the transition of the system to another synchronic stage (linguistic change per se), cf. Ludmila Verbitskaya’s formulation in *The Linguistic Encyclopedic Dictionary*: “The phonological system of a language completely determines the pronunciation norm. The norm can change within the system provided new forms gradually replace the old ones under the influence of extralinguistic factors or as a result of changes that have taken place in the system.” In this context, the primary task of interpreters of early orthoepic evidence (first of all, historians of language) is to identify factors belonging to two fundamentally different spheres. Ignoring this circumstance in the research procedures, characteristic of (chronologically or ideologically) pre-Saussurian (pre-Baudouin de Courtenay) linguistics, leads to a confusion of factors, including systemic and extra-linguistic ones, and, moreover, of the fundamental notions, (diachronic) change and (synchronic) variation, which, among other things, is reflected in the idea of ‘recent changes’ in the *system* (in fact, in the norm) and in the popular notion of “language in the state of (constant) flux.” On the contrary, the consistent differentiation, in research procedures, of different factors interacting in the functioning of language system, and thus discerning between the two points of view on it, “from within” and “from without,” makes orthoepy an integral part of linguistics as a fundamental science of language, providing theoretical justification for its applied component, the latter’s goals having been formulated, for all times, as a maxime to “speak properly and correctly.” Refs 29.

Keywords: orthoepy, Alexanderian grammarians, English orthoepists, history of language, system and norm, synchrony and diachrony, language and speech.

Из ненаписанных воспоминаний. <...> Людмила Алексеевна Вербицкая любила конференции, а мы любили ее в них участие. Она была внимательным слушателем и очень доброжелательным критиком. Замечания чаще всего ограничивались областью, которую Людмила Алексеевна считала своей. Это была, конечно же, орфоэпия, но понимаемая гораздо шире, чем принято думать. По убеждению Людмилы Алексеевны, в нее включалось историческое языкознание, в первую очередь фонология, историческая поэтика и все то, что опирается на материал, который во все времена создавался людьми, способными взглянуть на свой язык как бы со стороны, оценить его с точки зрения красоты, изящества, престижности, то есть всего того, что покрывается понятием правильности. Такое видение места, которое данная область занимает в языкознании в целом, отразилось в парадоксальном, но только на первый взгляд, высказывании, сделанном на одной из конференций: «Весь наш материал — от орфоэпистов».

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (ЛЭС) *орфоэпия* определяется как «1) совокупность произносительных норм национального языка, обеспечивающая сохранение единообразия его звукового оформления; 2) раздел языкознания, изучающий произносительные нормы» [Вербицкая 1990: 351]. В свою очередь, *норма* определяется «Словарем» как «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации» [Семенюк 1990: 337]. Хотя норма в этой статье рассматривается как «одновременно и собственно лингвистическая, и социально-историческая категория», в центре внимания оказывается именно социально-исторический аспект процессов языковой нормализации (соотношение устной и письменной нормы, территориальное распространение, хронология и т. д.). Сходным образом приведенное выше определение орфоэпии — само по себе — также не мешает пониманию ее задач как исключительно прескриптивных. Этот аспект деятельности орфоэпистов во многом обусловил отношение к орфоэпии в целом как прикладной по преимуществу науке. (Нужно признать, что такое отношение бытует не только за пределами лингвистического сообщества.) Менее заметной во все времена была другая ее составляющая — осмысление эмпирических данных, обоснование выбора того или иного произносительного варианта в качестве нормативного и в конечном счете теоретическое обоснование процедуры выбора. Последнему посвящена большая часть статьи «Орфоэпия», где рассматривается, в частности, различие орфоэпической нормы как внутриязыковой категории и кодифицированной нормы (правил и предписаний), а также подходы к соотношению орфоэпии и орфофонии в зависимости от трактовки понятия «фонема» и т. д. Контекстом положений такого рода служит принцип, согласно которому *норма* является производным *системы* с ее специфической организацией в каждый данный период истории соответствующего языка.

Проблема соотношения системы и нормы традиционно занимает центральное место в школе Л. В. Щербы. По сути, эта проблема — частный случай сосю-

ровской дихотомии «язык — речь», чем, собственно, и обусловлено понимание орфоэпии как сугубо лингвистической дисциплины и, что особенно важно, наличие двух точек зрения на предмет ее — «изнутри» и «извне». Последняя предполагает сознательное отношение к языку, то есть, прежде всего к выбору из нескольких возможных реализаций одной единицы, что, в свою очередь, предполагает установление статуса этой единицы.

Взгляд на язык «извне» возникает едва ли не одновременно с осознанием его как свойства, изначально присущего только человеку: «С тех пор, как человек стал причастен божественному уделу, только он один из всех живых существ, благодаря своему родству с богом, начал признавать богов и принялся воздвигать им алтари и кумиры; затем вскоре стал членораздельно говорить и искусно давать всему названия» [Платон 1968: 204]¹. Уже на самых ранних этапах, почти еще мифологического сознания, мы видим разделение языка на сферы. Первое такое разделение — это язык богов и язык людей:

...поток быстроводный, глубокопучинный,
Ксанфом от вечных богов нареченный, от смертных — Скамандром.
(Илиада XX: 71)

Суть такого разделения — особая проблема. Важно, однако, что в нем уже присутствует разделение на своего рода регистры — высокие (в буквальном смысле — божественные) и низкие. Конкретное воплощение такой подход находит также достаточно рано. О «правильной речи» говорят уже на ранних этапах истории европейского языкознания, ср. ὀρθότης ὀνομάτων у Продика (V–IV вв. до н.э.) (см. [Верлинский 2008: 625]). Не исключено, что с самого начала это понятие было связано не только с основным вопросом, занимавшим философов, — с правильностью речи с точки зрения ее истинности в связи с обозначением действительности (соотношения знака и денотата), ср.: «Какие задачи ставил перед собой Продик, занимаясь установлением различий между близкими по значению словами? Возможно, что эти задачи были чисто стилистическими, Продик стремился лишь к выработке норм правильного словоупотребления» [Перельмутер 1980: 127]. В подтверждение И. А. Перельмутер цитирует Р. Пфайфера: «Это уже не философские спекуляции, а серьезные и новые размышления над языковыми проблемами» [Перельмутер 1980: 127]. Разделение философии, не только единой, но одновременно и единственной тогда науки, на две составляющие и выделение «размышлений над языковыми проблемами» в отдельную область, по-видимому, преждевременно. В течение долгого времени философским по преимуществу остается и спор о двух направлениях, которые впоследствии легли в основание практического описания конкретных языков и теоретической грамматики, — «аналогии» и «аномалии».

¹ Ср.: «Человек из всех живых существ одарен речью» (Аристотель) [Фрейденберг 1936: 64].

Но поскольку проблема иллюстрируется конкретными примерами, например, косвенных падежей *Ζευς — Ζεός, Ζεί, Ζεα* и *Ζηνός, Ζηνί, Ζηνα* [Секст Эмпирик 1976: 90], спор по необходимости переходит в собственно языковую плоскость, ср.: «Само собой ясно, что относительно чистоты говора надо соблюдать известную осторожность. Ведь тот, кто постоянно употребляет варваризмы и соллецизмы, является предметом насмешек как человек невоспитанный; а тот, кто говорит по-гречески чисто, способен к ясному и точному изложению того, что он мыслит о предметах. Однако существуют два разных образа греческой речи. Один отличается от нашего обыкновения и опирается, по-видимому, [только] на грамматическую “аналогию”. Другой же получается в связи с обыкновением [в языке] у каждого грека, из наблюдения и воспроизведения обычных разговоров» [Секст Эмпирик 1976: 90]. Упор на «чистоту говора», фактически отождествляемую с правильностью, указывает на более дробное деление внутри философии, то есть фактическое различие в ней того, что позже получило название орфоэпии.

В еще более явной форме то же проявляется в разделении речи на «обиходы», ср.: «Обиходов... много: у афинян — один, у лакедемонян — другой, и более того, у афинян отличны друг от друга обиходы древний и современный, а также неодинаков обиход крестьянского населения с обиходом городских жителей. <...> Поскольку обиходов много, грамматики спрашивают, каким же из них мы будем пользоваться? <...> Но прежде всего — скажем мы — самое искание ответа на вопрос о том, каким обиходом следует пользоваться, равносильно существованию известного искусства по части эллинской речи. Ведь она — я имею в виду аналогию — есть исследование сходного и несходного, а сходное и несходное берется из обихода. И когда что-нибудь оказывается употребительным, вы им пользуетесь, в противном же случае — нет» [Варрон, цит. по: Фрейденберг 1936: 92]. В сущности, это обоснование целесообразности орфоэпии как отдельной области знания. Метод Варрона основывается на принципе аналогии: на исследовании «сходного» и «несходного». И то и другое берется из «обихода», точнее, «обиходов»: употребительного — неупотребительного, эллинского — варварского. «Обиходы» существуют независимо от сознания говорящего, но выбор «обихода» (или формы) вполне сознателен.

Сознательное отношение к «обиходам», то есть их противопоставление, равно как и противопоставление регистров, языка богов и языка людей и т. п., обязательно предполагает взгляд со стороны. Классический пример этого — александрийская филология II в. до н. э., создававшаяся вдали от метрополии и, значит, от обиходного языка. Для александрийцев «говорить правильно» значило, в сущности, то же, что быть греками. Такой подход не может не характеризоваться гиперкорректностью, то есть ориентацией на старшую норму, например Гомера².

² Именно это, кстати, так восхищает нас в речи эмигрантов первой волны: «Какой русский язык!» На самом деле это язык законсервированный, то есть понятие в каком-то смысле историческое.

Их описания представляют собой бесценный источник по истории — и языкознания, и языка. Пример — описание разных типов слогов, в основе которого лежит определение, данное Аристотелем: сочетание «безгласного и гласного» [Фрейдеберг 1936: 62]. Иное понимание слога («потенциальное слово») находим у Е. Куриловича [Kuryłowicz 1948/1949: 37], который, таким образом, оказывается оппонентом современной точки зрения на слог как «конструктивную» или «синтагматическую» единицу [Касевич 2006: 99, 343], и — фактически — Аристотеля, давшего определение слога как единицы языка, и александрийцев, описавших слоги, отклоняющиеся от базисной структуры /CV/, и их реализацию в речи, в данном случае поэтической (в метрике)³.

Понятие «правильности речи» приобретает практический смысл уже на самых ранних этапах (V в. до н.э.), в связи с возникновением науки об ораторском искусстве и, соответственно, обучением риториков [Перельмутер 1980: 112]. На первый план это понятие, несомненно, выходит у римлян, чей подход к языку носил характер скорее практический, нежели философский. О существовании своего рода «нормы» (= «правильного» произношения) и, соответственно, нормативного отношения к языку у них свидетельствует насмешка Катутла (ок. 87 — ок. 54) над неким Аррием:

‘Chommoda’ dicebat. si quando ‘commoda’ vellet
dicere, et ‘insidias’ Arrius ‘hinsidias’/
(Catullus 84: 1–2)

Эту эпиграмму, упоминает Квинтилиан (ок. 35 — ок. 100) в *Institutio Oratoria* (I, 5, 19–21): «*qua de re Catulli nobile epigramma est*», обсуждая вариативное произношение смычных и наличие/отсутствие придыхания перед начальными гласными (*aedos ~ haedos, ircos ~ hircos*). Независимо от того, объясняется ли это явление, видимо распространенное во времена Катутла, иноязычным влиянием (греческим или этрусским), диалектной вариативностью или некоей фонетической тенденцией [Bell 1915: 137, 138; Казанский 2017: 35], проблема, в конечном счете, сводится к установлению фонологического статуса единиц, в каждый данный период представленных теми или иными реализациями. То же относится ко всем случаям вариативного произношения, например, *i ~ e*, в безударных ли позициях, *urbis ~ urbes*, или в случае «звука среднего между /i/ и /ě/» в словах типа *here* [Казанский 2017: 46], или в речи тех, кто «говорит не как древние ораторы,

³ Впервые данная проблема была предложена на обсуждение конференции, посвященной 140-летию кафедры общего языкознания в 2004 г., см. [Клейнер 2004]. Именно тогда, в кулуарах, Л. А. Вербицкая обратила внимание докладчика на то, что все историки языка, работающие с письменными, то есть в той или иной степени кодифицированными текстами, в сущности, занимаются орфоэпией. И наоборот: орфоэписты, независимо от того, считают они себя таковыми или нет, говоря: «Так правильно», сообщают нам, что так *говорили*.

а как сельские жнецы», произнося *Iota litteram* как *E plenissimum* (Cicero XII, 3: 46) [Backham 1942: 36–37; Цицерон 1972: 213].

Похожую ситуацию можно наблюдать семнадцать веков спустя на примере деятельности английских орфоэпистов, в частности Александра Гилла (Alexander Gill, 1535–1635), автора книги *Logonomia Anglica* (1621), ср.: «Он [Гилл] относится с совершеннейшим презрением к тем, кто произносит 'I pray you give your scholars leave to play' как [əi prē ju gī jə(r) skalə(r)z liv tə plē], хотя это было произношение, свойственное большинству культурных людей его времени... вместо [əi prai jū giv jūr skolə(r)z lēv tū plai], как в последние сто лет говорят только неотесанные мужики» [Wyld 1936: 169]. По мнению Г. С. Уайлда, которому принадлежит это высказывание, «авторы XVI и XVII вв., пишущие о произношении, стремились, как правило, не к тому, чтобы дать правдивое описание английской речи, какой она была на самом деле, а к тому, чтобы сотворить искусственную в той или иной степени форму языка, основанную на их собственных представлениях о том, каким *должен быть* английский язык» [Wyld 1936: 177]. Критика не вполне оправдана; то же относится к методам, которыми пользовались орфоэписты, ср.: «когда мы видим, что эти авторы неизменно начинают с “букв”, обсуждая далее их “значимость”⁴, что их описания звуков по большей части целиком зависят от соотношения, реального или воображаемого, звуков и букв, и почти всегда оказываются совершенно неясными и расплывчатыми, так что, например, мы редко можем знать, имеет ли в виду автор, говоря о дифтонге, просто сочетание двух букв, или речь действительно идет о сочетании двух звуков» [Wyld 1936: 115]. Такой упрек мог бы быть адресован фонологам, каковыми естественно, не были орфоэписты, задача которых заключалась в создании не только произносительной, но и письменной нормы английского языка, то есть именно в установлении соответствия звуков и букв. Не случайно многие сочинения орфоэпистов содержат в названии слова «алфавит», «правописание», «орфография» и т. п.: *An A. B. C. for Children* (ок. 1558), *Dialogue concerning the Correct and Emended Writing of the English Language* Т. Смита (Thomas Smith, 1568), *An Orthographie* Дж. Харта (John Hart, 1569), *Booke at Large, for the Amendment of Orthographie for English Speech* У. Буллокара (William Bullocar, 1580) и др.

По словам А. К. Бо, «дело заключалось не только в плохой английской орфографии (она и сегодня остается плохой), но и в том, что не было общепринятой орфографической системы, общей для всех» [Vaugh 1957: 250]. На самом деле проблема не сводилась к выработке единого стандарта. Речь шла не только и не столько об обозначении «звука», сколько — и в гораздо большей степени — о приведении буквы в соответствие с ее «значимостью», то есть именно о соот-

⁴ «Значимость» *power* у Г. С. Уайлда соответствует *potestas* средневековых грамматистов (см. [Кузьменко 1985: 81]). Работа Ю. К. Кузьменко посвящена, среди прочего, способам обозначения звуковых единиц («соотношению букв и звуков»), которые рассматриваются в исландских грамматических трактатах, то есть, в сущности, еще одному виду орфоэпии.

ношении буквы и звука. Так, например, система письма, предложенная Джоном Чиком (John Cheke, 1514–1557), использовала для передачи долгого гласного удвоенные буквы: *taak* (= *take*), *haat* (= *hate*) и т. д. [Baugh 1957: 251]. Такое обозначение интерпретируется более или менее однозначно в системе, где краткие и долгие гласные объединяются попарно. Такая система, существовавшая и в английском языке⁵, в ранне-новоанглийский период была разрушена в результате Великого сдвига гласных, в результате которого число (условно) долгих гласных и дифтонгов значительно превысило число (условно) кратких:

ai ← i:	i: :	i:				u: → au
	↑	↑				↑
	e:	e:	ei	ou	o:	
		↑	↑	↑		
		ε:	a:	ɔ:		

Стройность этой схемы нарушает широкая вариативность «долгих» и дифтонгов. Небольшие отклонения от этой схемы отмечаются и в норме, ср.: a: = aə, ɔ = ə, u: = uw, ei = εi, εə [Jones 1969: 75, 80, 85, 100] и др. Вариативность ei = εə, согласно Д. Джоунзу, представляет собой “a comparatively recent development” [Jones 1969: 100]. «Инновация», характерная для Лондона: «монофтонгизация /ei/ > [ε:]» — отмечалась А. Ч. Гимсоном [Gimson 1964: 133, 134]. К приводимым им примерам (*day, made, lay, player, greyer, layer* и т. п.) можно, по-видимому, добавить, с одной стороны, [prē] (*pray*) и [plē] (*play*), засвидетельствованные Дж. Чиком в первой трети XVII в. (см. выше), а с другой — соответствия нормативного /ei/ в современных диалектах, например, в словах *name* (Ланкашир, Лестер, Рутланд, Уорик) и *rain* (Камберленд, Ланкашир, Рутланд, Нортхэмптон) [Мячинская 1983: 146]. Наряду с /e:/ в этих словах засвидетельствованы:

Диалект	Нортум-берленд	Камберленд	Ланкашир	Лестер	Рутланд	Уорик	Нортхэмптон	Букингем	Линкольн
name	i:ə	ie	e: ia	e: ei	e: ei	e: eə ei iə ai	eə iə ei je:	ei eə iə	eə
rain	a:	e:	e:	i:	e:	i ai eə ei	i: e: eə ei	eə ei	eə

[Мячинская 1983: 146].

В 1966 г., сравнивая развитие среднеанглийских гласных в диалектах и норме, В. А. Квятковский писал:

⁵ Ср., например, написания типа *boody* (совр. *body*) в среднеанглийский период, где удвоение свидетельствует об изохронической долготе шведско-норвежского типа.

...в описании диалекта Бирмингема, относящегося к концу прошлого [XIX — Ю. К.] века, упоминается, что P[resent–Day] E[nGLISH] /e:/, которое происходит из M[iddle] E[nGLISH] /a:/ и которому в современном литературном произношении соответствует /ei/, произносилось в этом диалекте /e:i/ <...> Аналогична реализация фонемы, которая в современном литературном произношении представлена дифтонгом /ou/ из ME /o:/. Ее диалектное произношение PE /o:/ варьирует дифтонгоидным /o:ʏ/ [Квятковский 1966: 390].

На первый взгляд, это согласуется с восходящим к младограмматикам представлением о сдвиге как постепенном фонетическом изменении, еще бытующем в то время, ср.:

Само собой разумеется, что все фонетические изменения, составляющие сдвиг гласных, происходили постепенно и незаметно для самих говорящих. <...> Чтобы отчетливее понять фонетическую сущность перехода [a: > ei], надо иметь в виду, что гласный [a] может быть очень различного характера. Он может быть как задним, так и средним и даже передним гласным. <...> [С]амый факт перехода среднеанглийского долгого [a:] в дифтонг [ei] в условиях сдвига, сущность которого заключалась в сужении гласных, говорит за то, что *ср.-а.* [a:] было звуком передним. Если же допустить, что это был гласный скорее средний, то из этого придется сделать только один дополнительный вывод — сказать, что в случае перехода [a: > ei] сужение гласного, характерное для всех случаев сдвига, сопровождалось переносом артикуляции из средней в переднюю сферу. На пути от [a:] к [ei] гласный, несомненно, прошел через ряд промежуточных ступеней, которые можно схематично представить в следующем виде: [a: > æ: > ε: > e: > ei]. В течение довольно длительного времени, по-видимому, произносилось долгое [e:] без дифтонгизации. Точно так же постепенно происходили и переходы [i: > ai] и [u: > au]. Их можно схематически представить следующим образом: [i: > i: > ei > εi > æi > ai]; [u: > u: > ou > ɔi > au] [Ильиш 1968: 318].

В том же, на первый взгляд, ключе — вывод, к которому приходит В. А. Квятковский:

Описываемый диалект «запоздал» в своем развитии по сравнению с литературным английским языком и сохранил некоторые с современной точки зрения консервативные черты, поэтому, рассматривая реализацию /e: o:/ в диалекте, можно судить о реализации этих фонем в литературном английском языке накануне дифтонгизации [Квятковский 1966: 390].

Сдвиг все еще рассматривается как «постепенное изменение», при котором монофтонг и дифтонг существуют на разных стадиях. С другой стороны, в этой статье 1966 г. Великий сдвиг впервые связывается с идеей Н. С. Трубецкого о просодической корреляции усечения слога, основанной на противопоставлении слогов с плотным или свободным примыканием гласного к последующему согласному, выражением которого в случае свободного примыкания является долгота

или дифтонгоидность слононосителя [Квятковский 1966: 387 и сл.]⁶. Обусловленность характера гласного (= направления скольжения) типом слога предполагает одновременное начало сдвига во всех участках подсистемы неусеченных гласных, а также во всех диалектах и говорах, где возникла данная корреляция. То, что установление этой корреляции в английском языке называется в качестве причины изменения, автоматически снимает противоречие между сдвигом как фонологическим изменением (по определению мгновенным) и постепенностью распространения его результатов в английском языке (XV–XVIII вв.). Заметим, что идея постепенности присутствует и в структуралистских построениях, основывающихся на предположении о дифтонгизации /ī/ и /ū/ или сужении /ǣ ā/ в начале сдвига и о *последующей* цепи — «притяжения» или «отталкивания». Наличие такой цепи в английской литературной норме не подлежит сомнению. Столь же очевидно, однако, что цепь сложилась уже после собственно изменения, в результате отбора — на основе определенных образцов (своего рода «фонологического сита») — соответствующих гласных, составивших систему литературного языка⁷.

Некоторая упорядоченность результатов сдвига имела место и в английских диалектах, сохраняющих состояние, близкое к изначальному, см. [Малова 1980, Шин 1982]. Но в отличие от диалектного узуса, сложение которого носило более или менее стихийный характер, становление литературной нормы представляло собой во многом сознательный выбор гласных для соответствующей позиции в системе/цепи. К этому в значительной мере сводилась деятельность орфоэпистов, обосновывавших «правильное произношение» той или иной «буквы», точ-

⁶ В том же году на связь корреляции усечения слога со сдвигом обратила внимание И. П. Иванова ([Иванова 1966]).

⁷ Именно так это изменение описано в защищенной в 1980 г. в Ленинградском государственном университете диссертации [Мячинская 1979], развивающей идею Трубецкого и Квятковского. По понятным причинам данная трактовка Великого сдвига не получила известности в мировой германистике, где представления о Великом сдвиге зачастую остаются до-структуралистскими, ср.: «Современное английское *goat* происходит из древнеанглийского *gāt*. Гласный в *gāt*, очевидно, долгий, открытый в д. а., в среднеанглийский период приобрел переднюю артикуляцию в нортубрийском/скотсе, перейдя в /a:/ (и впоследствии сузился в /e:/ в результате северного варианта Великого сдвига гласных), тогда как на юге в ранне-среднеанглийском он сузился в /ɔ:/ и позднее, в результате Великого сдвига (южный вариант), — в /o:/. Последний в конце концов во многих местах был вытеснен дифтонгоидными южно-английскими новообразованиями, так что к началу XX в. в речи носителей нормы (RP) закрепился вариант [ou]» [Corrigan 2016: 91].

По тем же причинам корреляция усечения слога вновь была «открыта» в конце XX в. В 2000 г. ее применил к английскому материалу Р. Меррей [Murray 2000], правда, для объяснения «количественных изменений в терминах мор и структуры стопы в *ранне-среднеанглийском*» [курсив мой — Ю. К.].

Приходится сожалеть, что идеи некогда знаменитого диахронического направления, сложившегося в ЛГУ под руководством М. И. Стеблин-Каменского и И. П. Ивановой, не получили достойного продолжения в Санкт-Петербургском университете.

нее, «правильное употребление фонем» (собственно орфоэпия) и «нормативную реализацию звуковых функциональных единиц» (орфофония), см. [Вербицкая 1990: 351]. У каждого, естественно, были свои представления, «каким *должен быть* английский язык», однако соотношение функциональных единиц и их реализаций не было «воображаемым», поскольку и то и другое выбиралось из вполне реальной системы живого языка.

В этой части деятельность орфоэпистов напрямую связана с проблемой временного соотношения системы и нормы, то есть со второй соссюрсовской дихотомией, «синхрония — диахрония», являющейся столь же неотъемлемой частью орфоэпии, как «язык — речь» (см. выше). Обе дихотомии без труда просматриваются в сжатой формулировке в статье «Орфоэпия» в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»:

Фонологическая система языка полностью определяет произносительную норму. Измениться норма может в пределах системы при условии появления новых форм, постепенно вытесняющих старые под влиянием экстралингвистических факторов или в результате изменений, произошедших в системе [Вербицкая 1990: 352].

Норма синонимична речи, которая существует на данном синхронном срезе и может меняться либо как результат использования альтернативных возможностей, предлагаемых системой (динамика языка), либо вследствие перехода системы на иной синхронный срез (изменение в собственном смысле).

Обе дихотомии определяют функционирование системы и естественным образом присутствуют в свидетельствах «стихийных лингвистов», ориентирующихся на некоторую норму — старшую (александрийские филологи) или же современную, или создаваемую в данный период (английские орфоэписты). Соответственно, первоочередная задача интерпретаторов таких свидетельств (прежде всего, историков языка) состоит в выявлении факторов, относящихся к двум принципиально различным сферам. Игнорирование этого обстоятельства в исследовательских процедурах, характерное для (хронологически или идеологически) дососсюрсовского (дободуэновского) языкознания, приводит к смешению факторов, в том числе внутрисистемных и экстралингвистических⁸,

⁸ Ср. объяснение причин английского Великого сдвига гласных в недавней работе Дж. Дж. Смита: «сдвиг на юге [Англии — Ю. К.] произошел в результате взаимодействия — в плане социальном и лингвистическом — в позднесредневековом/раннетюдоровском Лондоне мобильных групп иммигрантов, подстраивавших свои произносительные привычки к произношению, которое они воспринимали как более престижное» [Smith 2007: 129]. Еще более фантастичен вывод, который делается (со ссылкой на Смита) на основании этого, долингвистического, по сути, построения: «Великий сдвиг гласных мог быть спровоцирован на ранних стадиях среднеанглийского произношением узких гласных, свойственным высокопрестижным группам населения Лондона, в свою очередь, подражавшим французскому произношению» [Sharma 2016: 588]. На тех же основаниях можно было бы

и, более того, самих основополагающих понятий, (диахронического) изменения и (синхронной) вариативности⁹, что, среди прочего, находит отражение и в идее *recent changes* в системе (в действительности, в норме), и в расхожем тезисе «язык постоянно меняется».

Напротив, последовательное разграничение в исследовательских процедурах факторов, взаимодействующих в функционирующей языковой системе, а значит, и двух точек зрения на нее — «изнутри» и «извне» — делает орфоэпию неотъемлемой частью языкознания как фундаментальной науки, обеспечивающей теоретическое обоснование прикладной ее составляющей, задачи которой на все времена сформулированы в призыве «говорить правильно».

Литература

- Верлинский А. Л.* Продик // *Античная философия: Энциклопедический словарь*. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 625–628.
- Иванова И. П.* О возможных фонологических и фонетических факторах «Великого сдвига гласных» // *Семинар по диахронической фонологии германских языков. Тезисы докладов*. М.: Наука, 1966. С. 6.
- Ильин Б. А.* История английского языка. М.: Высшая школа, 1968.
- Казанский Н. Н.* Очерк фонологии латинского языка. М.: РАН. Отделение истории и языка, 2017.
- Касевич В. Б.* Труды по языкознанию. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2006.
- Квятковский В. А.* Фонологические проблемы великого сдвига гласных // *Исследования по фонологии*. М.: Наука, 1966. С. 385–393.
- Клейнер Ю. А.* Слог от Аристотеля до Куриловича: означающее или означаемое? // *Теоретические проблемы языкознания. К 140-летию кафедры общего языкознания*. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2004. С. 486–489.
- Клейнер Ю. А.* Языковые изменения и динамика языка // *Филология. Русский язык. Образование. Сборник статей, посвященный юбилею профессора Л. А. Вербицкой*. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 126–136.
- Кузьменко Ю. К.* Средневековые исландские грамматические трактаты // *История лингвистических учений*. Л.: Наука, 1985. С. 77–97.
- Малова В. И.* Ударный вокализм суффолкского диалекта (современное состояние и диахрония): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: Ин-т языкознания АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1980.
- Мячинская Э. И.* Отражение Великого сдвига гласных в современных английских диалектах: (10.02.04): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1979.

предположить, что произносительные привычки г-жи Лариной («И русский Н как N французский / Произносить умела в нос») должны были привести к появлению в русском языке носовых гласных.

⁹ По понятным причинам эта проблема не возникала, например, у младограмматиков, считавших «изменением» всякое отклонение от некоторого эталона (меж- и внутридиалектная вариативность). Этот вопрос подробно обсуждался в сборнике, посвященном юбилею Л. А. Вербицкой, см.: [Клейнер 2006].

- Мячинская Э. И. Дифтонги в Великом сдвиге гласных // Лингвистические исследования 1983. Функциональный анализ языковых единиц. М.: АН СССР. Институт языкознания. 1983. С. 142–151.
- Перельмутер И. А. Греческие мыслители V в. до н.э. // История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1980. С. 110–130.
- Платон. Сочинения в трех томах. Том 1. М.: Мысль, 1968.
- Секст Эмпирик. Против грамматиков // Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Том 2. Москва: Мысль, 1976. С. 60–121.
- Фрейденберг О. М. (ред.). Античные теории языка и стиля. М.; Л.: ОГИЗ, 1936.
- Цицерон Марк Туллий. Об ораторе. Кн. III // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. Перевод с латинского Ф. А. Петровского, И. П. Стрельниковой, М. Л. Гаспарова. Под редакцией М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1972. С. 205–252.
- Шин И. А. Вокализм ланкаширского диалекта (современное состояние и диахрония): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1982.
- Backham H. (ed.). Cicero. On the Orator: Book 3. On Fate. Stoic Paradoxes. Divisions of Oratory // Cicero. Works. Vol. IV (Loeb Classical Library 349). Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1942.
- Baugh A. C. A History of the English Language. 2nd ed. New York: Appleton-Century-Crofts, 1963.
- Bell A. J. Note on Catullus, 84 // The Classical Review. Vol. 29. Issue 5. 1915. P. 137–139.
- Corrigan K. P. GOAT Vowel Variants in the Diachronic Electronic Corpus of Tyneside English (DECTE) // The Oxford Handbook of the History of English. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 90–93.
- Gimson A. C. Phonetic Change and RP Vowel System // In Honour of Daniel Jones. Papers contributed on the occasion of his eightieth birthday 12 September 1961. London: Longmans, 1964. P. 131–136.
- Jones D. An Outline of English Phonetics. 9th ed. Cambridge: W. Heffer & Sons Ltd., 1969.
- Kuryłowicz J. Latin and Germanic Meter // English and Germanic Studies. 1948/1949. No. 2. P. 34–38.
- Murray R. W. Syllable Cut Prosody in Early Middle English // Language 2000. Vol. 76, no. 3. P. 617–654.
- Sharma D. Second Language Varieties of English // The Oxford Handbook of the History of English. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 582–591
- Smith J. J. Sound Change and the History of English. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Wyld H. C. A History of Modern Colloquial English. Oxford: Basil Blackwell, 1936.

References

- Backham H. Cicero. On the Orator: Book 3. On Fate. Stoic Paradoxes. Divisions of Oratory. *Cicero. Works*, vol. IV (Loeb Classical Library 349). Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1942.
- Baugh A. C. *A History of the English Language*. 2nd ed. New York, Appleton-Century-Crofts, 1963.
- Bell A. J. Note on Catullus, 84. *The Classical Review*, vol. 29, issue 5, 1915, pp. 137–139.
- Cicero Marcus Tullius. On the Orator. Book III. Marcus Tullius Cicero. *Three Treatises on the Art of the Orator*. Translated from the Latin by F. A. Petrovskii, I. P. Strel'nikova and M. L. Gasparov. Ed. by M. L. Gasparov. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 205–252. (In Russian)

- Corrigan K. P. GOAT Vowel Variants in the Diachronic Electronic Corpus of Tyneside English (DECTE). *The Oxford Handbook of the History of English*. Oxford, Oxford University Press, 2016, pp. 90–93.
- Freidenberg O. M. (ed.). *Theories of Language and Style in Classical Antiquity*. Moscow and Leningrad, OGIZ Publ., 1936. (In Russian)
- Gimson A. C. Phonetic Change and RP Vowel System. *In Honour of Daniel Jones*. Papers contributed on the occasion of his eightieth birthday 12 September 1961. London, Longmans, 1964, pp. 131–136.
- Ilyish B. A. *A History of the English Language*. Moscow, Vysshaya shkola, 1968. (In Russian)
- Ivanova I. P. On Possible Phonological and Phonetic Factors of the Great Vowel Shift. *Seminar po diakhronicheskoy fonologii germanskikh yazykov* (abstracts of papers). Moscow, Nauka Publ., 1966, p. 6. (In Russian)
- Jones D. *An Outline of English Phonetics*. 9th ed. Cambridge, W. Heffer & Sons Ltd., 1969.
- Kasevich V. B. *Works on Linguistics*. St Petersburg, Philological Faculty of St Petersburg State University Publ., 2006. (In Russian)
- Kazanskii N. N. *Historical Overview of Latin*. Moscow, Russian Academy of Sciences. Department of Language and Literature, 2017. (In Russian)
- Kleiner Yu. A. Language Change and Languages Dynamics. *Filologiya. Russkii yazyk. Obrazovaniye*. Papers on the occasion of Professor Ludmila Verbitskaya Jubilee. St Petersburg, Philological Faculty of St Petersburg State University, 2006, pp. 126–136. (In Russian)
- Kleiner Yu. A. The syllable from Aristotle to Kuryłowicz: signifiant or signifé? *Teoreticheskie problemy iazakoznaniia. K 140–letiiu kafedry obshchego iazykoznaniiia*. St Petersburg, Philological Faculty of St Petersburg State University, 2004, pp. 486–489. (In Russian)
- Kuryłowicz J. Latin and Germanic Metre. *English and Germanic Studies*, 1948/1949, no. 2, pp. 34–38.
- Kuzmenko Yu. K. Medieval Icelandic Grammatical Treatises. *Istoriia lingvistichekikh uchenii*. Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 77–97. (In Russian)
- Kvyatkovskii V. A. Phonological Problems of the Great Vowel Shift. *Issledovaniia po fonologii*. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 385–393. (In Russian)
- Malova V. I. *Stressed Vowels of the Dialect of Suffolk. (Present-Day and Diachrony)*: PhD abstract. Leningrad, Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences, Leningrad Branch, 1980. (In Russian)
- Maychinskaya E. I. Diphthongs in the Great Vowel Shift. *Lingvistichekiye issledovaniya 1983. Functional analysis of language units*. Moscow: USSR Academy of Sciences. Institute of Linguistics, 1983, pp. 142–151. (In Russian)
- Maychinskaya E. I. *Reflection of the Great Vowel Shift in Present-day English Dialects*: (10.02.04): PhD Abstract. Leningrad, Leningrad State University, 1979. (In Russian)
- Murray R. W. Syllable Cut Prosody in Early Middle English. *Language*, 2000, vol. 76, no. 3, pp. 617–654.
- Perel'muter I. A. Greek thinkers of the 5th c. B. C. *Istoriya lingvistichekikh uchenii. Drevnii mir*. Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 110–130. (In Russian)
- Plato. *Works in three volumes*, vol. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1968. (In Russian)
- Sextus Empiricus. Against Grammmraians. Sextus Empiricus. *Works in two volumes*, vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1976, pp. 60–121. (In Russian)
- Sharma D. Second Language Varieties of English. *The Oxford Handbook of the History of English*. Oxford, Oxford University Press, 2016, pp. 582–591.

Shin I. A. *Vowels of the Dialect of Lancashire (Present-Day and Diachrony)*: PhD Abstract. Leningrad, A. I. Herzen Leningrad State Pedagogical Institute, 1982. (In Russian)

Smith J. J. *Sound Change and the History of English*. Oxford, Oxford University Press, 2007.

Verlinskii A. L. Prodicus. *Antichnaia filosofii*. Entsiklopedicheskii slovar'. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2008, pp. 625–628. (In Russian)

Wyld H. C. *A History of Modern Colloquial English*. Oxford, Basil Blackwell, 1936.

Сведения об авторе

Клейнер Юрий Александрович

Доктор филологических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Yuri Kleiner

Dr. Sci. in Philology, Professor

St Petersburg State University

7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: y.kleiner@spbu.ru

SPIN-код: 1082-1872

Author ID (Russian Citation Index): 73992

Researcher ID: N-1548-2013